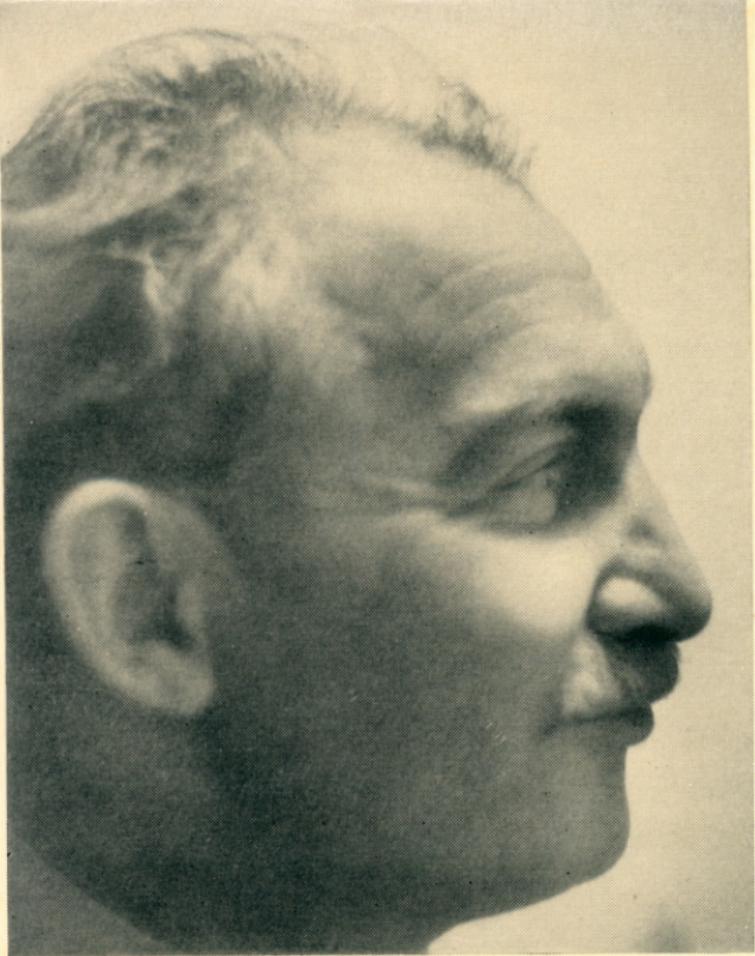

Борис
Слуцкий

Работа

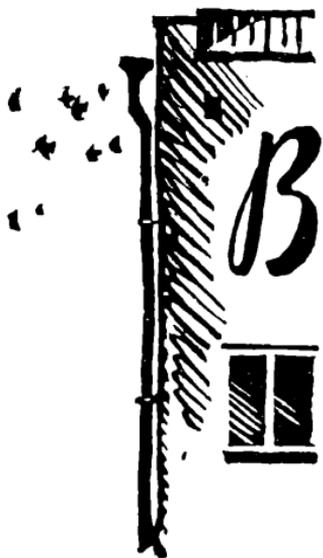
Борис
Слуцкий

**БОРИС
СЛУЦКИЙ**
РАБОТА
4 **КНИГА**
СТИХОВ

**СОВЕТСКИЙ
ПИСАТЕЛЬ
МОСКВА
1964**

Р 2
С 49

ТАТЬЯНЕ ДАШКОВСКОЙ

**иды
МОСКВЫ**

21 ИЮНЯ

**Тот день в году, когда летает
Над всей Москвой крылатый пух
И, белый словно снег, не тает.**

**Тот самый длинный день в году,
Тот самый долгий, самый лучший,
Когда плохого я не жду.**

**Тот самый синий, голубой,
Когда близки и достижимы
Успех, и дружба, и любовь.**

**Не проходи, продлись, помедли.
Простри неспешные часы.
Дай досмотреть твои красоты,**

**Полюбоваться, насладиться.
Дай мне испить твоей водицы,
Прозрачной, ключевой, живой.**

**Пусть пух взлетевший — не садится.
Пусть день еще, еще продлится.
Пусть солнце долго не садится.
Пусть не заходит над Москвой.**

НОВАЯ КВАРТИРА

**Я в двадцать пятый раз после войны
На новую квартиру перебрался,
Отсюда лязги буферов слышны,
Гудков пристанционных перебранка.**

**Я жил у зоопарка и слышал
Орлиный клетот, лебедей плесканье.**

**Я в центре жил. Неоном полыхал
Центр надо мной.**

**Я слышал полосканье
В огромном горле неба. Это был
Аэродром, аэрогром и грохот.**

**И каждый шорох, ропот или рокот
Я записал, запомнил, не забыл.**

**Не выезжая, а переезжая,
Перебираясь на своих двоих,
Я постепенно кое-что постиг,
Коллег по временам опережая.**

**А сто или сто двадцать человек,
Квартировавших рядышком со мною,
Представили двадцатый век
Какой-то очень важной стороною.**

ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ

**Настроение — как у дружинника
В сухую погоду,
В теплое время года.**

**Ходишь вдоль бульвара,
Видишь цветочные грядки,
Думаешь — все в порядке.
Какое-то дело — сделано.
Какой-то враг — побит.
Какой-то итог — подбит.**

**На душе — как у пожарника
Во время дождя проливного,
Льющего снова и снова.**

**На душе — как у колхозника,
Сдавшего все поставки,
Взвесившего остатки,
Знающего про трудодни,
Что — большие они.**

**Воли и покоя
Взаимное наложение,
Вот какое
Сегодня
у меня
настроение.**

ГЕРМАН ТИТОВ В КЛУБЕ ПИСАТЕЛЕЙ

— Космос — дело новое,—
сказал Титов.

Я-то думал: космос дело вечное.

Все же в этой мысли я готов

Видеть

нечто очень человеческое.

Космонавт записочки читал,

Землю и вселенную описывал.

В это время я считал

Те круги,

что он

рукой описывал.

— Что страшней — посадка или взлет! —

Спрашивали мы отважно.

Молодой космический пилот

Честно отвечал,

что всюду страшно.

Но рука его размеренно

И уверенно

шла по кругу —

Шла.

**И буря восхищенья медленно
Нарастала, двигалась
по клубу.**

В небо голубое, неразгаданное

Шла дорога,

торная,

раскатанная,

Дальняя,

а все-таки своя.

Вскорости по ней рванутся многие —

Думал я.

И понял я:

Космос — дело.

И при этом — новое.

НАЧАЛО МОСКОВСКОЙ ЗИМЫ

**Негр взмахнул рукавами
и уходит в полет
По прикрытому
слабым снежком
ледку.**

**Он освоил понятие «гололед»
Не по словарю,
а по синяку.
Да, по желтому фонарю,
Не по толстому словарю.
Это — точно я вам говорю.**

**Поднимается негр, держась за забор,
И смеется:
игра судьбы!
Так зима началась — полоской зубов
Под червонной зарей губы.
В свою первую зиму
влетает негр.**

В сорок третью
я сам вхожу,
Подставляя морозу
каждый нерв,
Как буханка — ножу.
Заметает осень мою
зима,
Все, что было черно,—
заносят снега.

Всю работу
она выполняет сама,
Даже там,
куда ни одна нога.

И, примером таким
обольщен, покорен,
Я иду за моим
декабрем.
Я испытываю
душевный подъем
С январем, с февралем — втроем.

Нету времени года
белей и ясней.
И куда бы зима
ни рванулась —
я с ней.

*** * ***

**Конверт приходит с тихим шорохом:
Опущенный, потом надорванный,
А телефон гремит, как порохом,
Как будто динамитом взорванный.**

**Без телефонов было проще все —
Порядки, нравы и законы.
Как много места в жизни общества
Позанимали телефоны.**

**Повыключить все точки сразу бы,
Чтоб письма возродились заново.
А в писаном побольше разума.
Чем в сказанном,— и несказанного.**

*** * ***

**В обязанности эти и права
Я встроился, как новая Москва
Бетонная
 вписалась в белокаменную,
Расталкивая крепкими боками,
Отодвигая старину
И распрямляя крутоверти улиц.
Но это про Москву. А я
Сегодня про себя. Травой
Я врос в асфальт. Сперва едва живой,
Но постепенно — плечами, головой
Приподнимал, покуда не приподнял,
Покуда не пробился сквозь препоны,
Покуда не проклюнулся, пока
Не протолкался, ободрав бока
Зеленые. Но это про траву.
И про Москву.
А я! Таким же образом живу.**

ПОСЛЕДНИЙ ТРАМВАЙ

**Вагон решительный, последний:
Вскочу — уеду. Не вскочу —
Дорогой длинной, словно сплетня,
Себя домой поволочу.
Трамвай как детский мяч прекрасный,
Зелено-синий, желто-красный,
Гремучий, словно школьный двор,
Как гром, как град, как речка с гор.
Все окна у него горят,
Шумят беседою живою.
Вскочил и шумно, как снаряд,
Реву над тихою Москвою.
Несется храп навстречу мне:
Храпит кондукторша трамвая,
Во сне билеты продавая,
Ссыпая сдачу мне во сне.
О, полусказочный проезд
По магистралям полусонным,
Блестящим отсветами звезд
И фарами исполосованным!**

*** * ***

**Человек очки снимает на ночь,
Зубы хлюпает в стакан с водой.
Это мой сосед, Сергей Иванович,
Инженер немолодой.**

**В доме стены словно из бумаги.
Слышно все и видно через них:
Мы, как чародеи или маги,
В курсе новостей очередных.**

**Угрызеньем совести он мучим
Или просто лихорадка бьет,
Но пружина голосом скрипучим
О его метаниях поет.**

**Постуци ему — и он утихнет.
Он замрет и замолчит.
Разве сердце слишком громко тикнет,
Как мотор неладный застучит.**

* * *

**Постовой стыдит нарушителя,
Нарушитель глядит в носок.
Молодая мать нерешительно
Молодого младенца несет.
Это все — Москва. И краны
Башенные словно башни.
И на летних площадках экраны,
И внезапный запах пашни,
Запах леса, запах здоровья,
Доносящийся из Подмосквья.**

ХОЛОДИЛЬНИК

**Ах ты крепкий, четырехугольный!
Ах ты белый и самодовольный!**

**То стоишь безмолвным валуном,
То заснешь своим холодным сном,
То урчишь железною утробой.
Что урчишь и разгадать не пробуй!**

**Самый добродушный из приборов —
Холодильник, толстый, словно боров,
Как сугроб — большой.
Но — с чистойшею душой.**

**Человечья власть над ним — тверда!
Холода же, из него ползущие,—
Небольшие холода,
И не заморозят нам грядущее.**

**Если роботы когда-нибудь восстанут,
Если атакуют род людской,
Холодильники — не станут
Нарушать покой.**

**Ты дворовый пес среди машин,
Верная и сытая зверюга.
Дверцей человеку помаши,
Улыбнись живому другу.**

*** * ***

**Калеки, случается, плохо одеты.
Бедны и устаты слепые студенты.
Сапог на единственной ноге одноногого
Желать оставляет очень многого.**

**Но тем важнее увидеть немых
И даже глухонемых,
Жестикулирующих который год
У Электрозаводских ворот.**

**На них костюмы по тыща сто,
По тыща двести, тыща четыреста,
И сшитые в ателье пальто —
Точно по мерке, без всякого выроста.**

**Я проходил по этим цехам,
Я слышал, как там никогда не стихал
Шелест жестов, шум тишины,
Активное молчанье людское.**

**И рядом с этим не слышны
Станки,
как будто они на покое.**

**Бывает, звук пропадает в кино.
И все-таки все равно
Очевидно! Понятно! Ясно!
Кто — куда и кто — за кого.
Движение выразит все прекрасно.
Слова — не добавят почти ничего.**

С. П. СЕДОВ

**Савелий Петрович Седов
Приехал в Москву из деревни
В старинный, забытый и древний
Период двадцатых годов.**

**На вялых листочках анкет
Писал он разборчиво — крупно,
Решительно, зло, неотступно
Серьезное слово «Поэт».**

**То время поэта всерьез
И слишком всерьез принимало.
На гребни эстрад поднимало,
Любило поэта до слез.**

**Сажало его, как зерно
Грядущего, лучшего люда,
В суглинок. И брало оттуда.
То время избыто давно.**

**Певец невысоких садов.
Сказитель рязанских гераней.**

**Савелий Петрович Седов
Есенина выбрал героем.**

**Он раннюю старость застал
Поэта
и стал ему другом.
И слушал усталую ругань
В трактирах московских застав.**

**Усвоив повадки и удаль,
Талант не освоил никак.
И вот из поэзии убыл
Седов, поступил на рабфак.**

**Была несомненная хватка
В том сыне рязанской земли.
Стихи и дешевая водка
Его оглупить не смогли.**

**Его не смогла успокоить,
Смирить, покорить не могла
Богемной хвальбы пустяковость,
Небрежных журналов хула.**

**Просодии тайны постигший,
Он алгебры тайны постиг.
Студентом пять лет пропустившись,
Отстал от занятий пустых.**

**Я знал его в новую эру.
Седой — он еще не сдавал
И в звании инженера
Мне угол в квартире сдавал.**

**ОЛНЕЧНЫЕ
БАТАРЕИ**

МОЛОДОСТЬ

**Были созданы все условия,
То есть крыша, хлеб и вода.**

**Что касается славы, о славе я
Мало думал тогда.**

**Думал я не о славе — о чести
И о долге, не о долгах.
И, наверное, в этой части
Убежден был в своих правах.**

**Был полуголодный, нескладный,
Состоял из надежд и заплат.**

**Но дела мои шли на лад
С каждой новой строкой изрядной.**

**И моих товарищей жесткость,
Да, жестокость моих друзей,**

**Моего настоящего жалкость
И великость моих затей**

**Помогала мне. Выручала
Из беды. Приучала к добру,
А не к золоту и серебру.**

Вот как действовал я сначала.

СОЛНЕЧНЫЕ БАТАРЕИ

**Физики поднаторели —
Выполнили программу,
Солнечные батареи
От солнца работают прямо.**

**А Гезиод задолго
До современной науки
Только от солнца работал,
А также мы, его внуки.**

**Солнце, вёдро, счастье —
Вот источники тока,
Питающие все чаще
Поэтов нашего толка.**

**Но мы и от гнева — можем,
И от печали — будем.
И все-таки книги вложим
В походные сумки людям.**

**Мы — от льгот и от тягот
Вдоль вселенной несемся,
А батареи могут
Только от солнца.**

* * *

**Пишите как следует:
Из толпоголосого говора,
Учтите, что ведают
Толковников умные головы:
И старого Даля
И нового Ушакова,
Все то, что изда́ли,—
Толковники очень толковы.**

**Но более слушайте
Не книжную речь, а живую.
То слово,
Что чашей пошло вкруговую.
Судью — в приговоре
И стороны — в договоре.
И просто людей
В простом бытовом разговоре.**

**Из канцелярита —
Руды, осужденной неправильно,**

**Немало нарыто.
Немало потом и наплавлено.**

**Я — за варваризмы
И кланяюсь низко хорошему,
Что Западом в наши
Словесные нивы заброшено.
Я за архаизмы.
За летопись!**

И — за машинопись.

**Словесную вязь
Я люблю и словесную живопись.**

**Деяния,
Ранее
Не получившие звания,
Сдержавши дыхание,
Ждут нашего именованья.**

А для этого потребуется очень много слов.

МУЗЫЧКА

**Все — не важно. Важно только,
Чтобы не стихала эта полька.
Где! В душе. Чтоб музыка звучала
Каждый день — сначала.
Музычка! Протопочи, мужичка!
Про свои привычки!
И как панна — поведи плечами
Про свои печали.
Музычка! Синкопы или такты,
Доремифасоли и ключи —
Как же, почему же так ты!
Музыка, работай, не молчи.**

*** * ***

**Ни для Партии, ни для Отечества,
Ни для Вечности и Человечества
Ничего не напишешь,
Если этим не дышишь.**

**А какое оно это «это»,
Как его ухватить,
Нужно точно понять поэту,
А потом по журналам ходить.**

* * *

**Гробница Данте. Сюда мы входим
Тихо и важно в темпе анданте.
Причин для этого не находим,
Но понимаем: Данте — Данте.**

**Данте — Данте, а мы — не боле,
Как только мы. Вот граница.
Зависти не испытал и боли,
Входим, шапки сломав, в гробницу.**

**Да, Данте. Он — уже остался,
А мы, знаменитые по два, по три
Года,
жребий, что нам достался,
Не смеем даже бросить подле.**

**Покуда гиды, вкусно, длительно,
Рассказывают о его судьбе,
Себялюбиво и неуважительно
К себе
мы думаем о себе.**

**На дне души, на самом донце,
Вдруг отражается светило:
Внезапным блеском блещет солнце,
Которое ему светило.**

*** * ***

**Изобретаю стихотворение:
Уже открыл одну строку,
Но нету у народа времени,
Чтобы прислушиваться к пустяку.**

**И словно спутника, который
Луны не достигнет крылом,
Пускаю в печь его моторы,
Его судьбу
пускаю в лом.**

ЧУЖАЯ СТРОКА

**С ног не сшибла. Черкнула пером,
Словно ласточка, словно птица.
И — не вырубишь топором.**

**Не забудешь и не простишь.
И какое-то новое семя
Осторожно в душе растишь.**

СЭМ СИМКИН

**Сэму Симкину — хорошо,
Долгоносой и юной пташке,
Смехачу в ковбойской рубашке.**

**Года два в Ленинграде жил,
Года два — в Калининграде.
Почему! Романтики ради.**

**— Я романтик! — смеется Сэм.
Блещут белые зубы Сэма.
И какое-то доброе семя
Зарывается в душу мне.
И когда я стихи читаю,
Я ошибок его — не считаю.**

**— Я — поэт! — хохочет опять.
— Ты пока стажер на поэта.
У тебя еще нет билета.**

Нет билета, а деньги есть.
Ты чужие стихи поучишь
И билет, конечно, получишь.

Сэм смеется: — Денег-то нет!
Десять лет, как живу без денег.
И не то чтобы я бездельник.

Я рыбачил. Я и грузил.
И стихи, говорят, удаются.
Только деньги мне не даются.

Снова хохот. Без всяких причин.
— Что ты, Симкин, с луны свалился!
— Я неделю назад — женился!

НОВЫЕ СЛОВА

**Новые слова сначала называют
Варваризмы, аббревиатуры.
Но они живут и не зевают
На околице литературы.**

**Новые слова, как папироски,
Изо рта не выпустит молва,
Потому что вески или броски
Новые слова.**

**Новые слова и в самом деле —
Новые слова.
Вы послушали бы,
Поглядели,
Сколько за день скажет их Москва.**

**А потом — из уст в уста кочуют,
Шелестят, наподобие травы,
На вокзалах, скорчившись, ночуют,
Уезжают из Москвы.**

**Вымывшись в морях и океанах,
Ободравши о тайгу бока,
Приплывают — в шрамах и изъязнах,
Как Европа на спине быка.**

**А лингвисты перья очиняют,
Новые законы сочиняют.
Новые слова по тем законам
Признаются лексиконом.**

ДОМА

**Мне было хорошо и невозможно.
Умно и глупо, праведно и ложно.
Взлетал я к звездам и лежал в пыли:
Дома росли.**

**Шли самосвалы с кирпичами, глиной.
И кран с ухваткой журавлиной
Ворочал небольшою головой.
И корпуса взлетали над Москвой.**

**Дома росли. Росла домопосадка.
Пока мне было горько или сладко,
Хулили ли, хвалили ли —**

они

**Росли,
и в окнах теплились огни.**

**Запорошит меня лихая замять
Или строкой засяду людям в память,**

**Останутся дома, где этот стих —
В шкафу!
Как дом
в ряду домов других.**

О КНИГЕ «ПАМЯТЬ»

**Мало было строчек у меня:
Тыщи полторы. Быть может — две.
Всё как есть держал я в голове.**

**Скоростных баллад лихой набор!
Место действия — была война.
Время действия — опять война.**

**В каждой — тридцать строчек про войну.
Про ранения и про бои.
Средства выражения — мои.**

**Говорили: непохож! Хорош —
Этого никто не говорил.
Собственную кашу я варил.**

**Свой рецепт, своя вода, своя крупа.
Говорили, чересчур крута.
Как грибник, свои я знал места.**

**Собственную жилу промывал.
Личный штамп имел. Свое клеймо.
Собственного почерка письмо.**

* * *

**Стихотворенье как столпотворенье.
Оно не помогает от простуд.
И логики полезные корни
В том диком поле часто не растут.**

**Оно не помогает от простуд.
Зато оно от смерти — помогает.
И подымает или помыкает.
А овощи в том поле — не растут.**

**К ДИСКУССИИ
ОБ АНДРЕЕ РУБЛЕВЕ**

Нет, все не сунешь в схему.
И как бы ни совали,
Рублев,
 приявший схиму,
Невером
 был едва ли.

Он на колени падал пред
В начале бывшим
 Словом.

И мужиков искать не след
В архангелах Рублева.

А спас его — не Волопас —
Начал труда носитель,
А просто: Спас,
 Спас,
 Спас
(По-вашему — спаситель).

* * *

Гр. Петникову

**Председатель земного шара —
Всех его морей и держав
Попросил картуз подержать.**

**Спичка вспыхнула, задрожала,
Озаряя лицо председателя:
Шрамы, стимулы, тормоза
И глядящие наблюдательно
Председательские глаза.**

**Был он бодрым, а стал — небодрым.
Был он гордым, а стал он — добрым.
И — ни править ему, ни карать,
Только тихий архив разбирать.
А претензии на властительство
Миром,
 шаром этим земным,
Превратились давно в попустительство
Малым хлопотам очередным.**

**Постояли. Он попрощался.
Даже поцеловался со мной.
А под нами тихо вращался
Не возглавленный им
шар земной.**

* * *

**Скульптор бил молотком, отделяя
Лишнее от необходимого,
Груды лишнего удаляя
Силой жеста неумолимого.**

**Рядом я стоял и учился,
Как вычеркивать, как сокращать,
Как не верить в большие числа,
Слишком бурный рост сокращать.**

**Дикий камень, природную глыбу,
Разделив на лицо и лузгу,
Скульптор вымолвил: вы смогли бы?
Я ответил: пока не могу.**

5

* * *

**Покуда глотка здорова
И плечи, что колокола,
Взлетают, как перепела,
Токуют, как тетерева.**

**Потом приходит слово «честь»,
И слово «долг», и слово «стыд».
И если что-то в сердце есть —
Читатель все грехи простит.**

**А если нету ничего,
Он все же для себя открыл
То токованье, шелест крыл
И то, что нету ничего.**

* * *

Был обыкновенный день поэзии.
Все мои собраты по профессии
Разбрелись по лавкам, кто куда:
Что-то вроде пения, сияния,
Что-то вроде дела и труда,
На прилавке шаткое стояние,
Трогательная белиберда.
Щелкали веселые фотографы,
Разбирались беглые автографы,
Пели, декламировали, били
В грудь и отбивали такт ногой,
Тон держали и фасон давили
Час (а в главных лавках час-другой).
Но в каких-то душах — самых юных,
Словно на семи гитарных струнах
И на балалаечных, на трех,
Тенькало что-то очень простенькое,
Горнее, что-то вроде просини,
И необратимое, как рок.

* * *

Год не писал. Копил, берег.
Так оседай же, пыль дорог,
На белые снега листа.

Пади, как из раствора соль,
Восторг (и где-то рядом — боль)
На белые снега листа.

Белы снега зимы — и вы,
И осень желтая листвы —
На белые снега листа.

Но и весенние ручьи,
И неба жаркие лучи —
На белые снега листа.

Копилка, ты еще пуста.
Страница, ты еще чиста.
Пусть рушится вся красота
На белые снега листа.

НА СМЕРТЬ ТОВАРИЩА

**Товарищ уходит черным дымом,
А был веселым, светлым дымком
И только после стал нелюдимым,
Серым от седины
стариком.**

**Товарищ уходит черной копотью.
Теперь он просто дым без огня.
И словно слышится: «Дальше топайте.
Только, пожалуйста, без меня».**

**И мы отъезжаем от этого здания,
Где каждый метр посвящен судьбе,
Готовые выполнить любое задание,
Которое лично даем себе.**

* * *

**Пора заканчивать стихи.
Пора дописывать баллады.
А новых начинать — не надо.
Пора достраивать дворцы,
Пора — отделки и отчистки.
Пора — разборки и расчистки.
Пора мечты осуществить.
Да, без сомненья и шатанья
Взять и осуществить мечтанья.**

* * *

**От неверной формулы,
От ошибки в данных,
Бестолку, не вовремя
Где-то кем-то данных,
Оттого, что сразу же
Это не заметили,
Вдруг запахнет фальшью
В тоне ли, в предмете ли.
Так давайте сразу —
С точностью дотошной,
Чтобы даже фразы
Не было
неточной.
Чтобы даже слова
Не было такого.**

ПОСЛЕ БАЛЛАДЫ

**Дыбилось, корчилось,
Пенилось, билось.
Чем это кончилось,
Что получилось?**

**Солнечно, ветрено,
Тихо, росно.
Очень уверенно,
Очень просто.**

**Можно на травке
У речки присесть.**

**Место — есть.
Настроение — есть.**

**Можно собрать предпоследние силы,
Можно последние силы напрячь,
Чтобы запенило, чтобы носило,
Вздыбило, било, мчало вскачь.**

**Д
АВНЫМ-
ДАВНО**

НЕ ВИНТИКАМИ БЫЛИ МЫ

Я роздал земли графские
крестьянам южной Венгрии.

Я казематы разбивал.
Голодных я кормил.

Величье цели вызвало
великую энергию.

Я был внутри энергии,
ее частицей был.

Не винтиками были мы.
Мы были — электронами.

Как танки — слушали приказ,
но сами
шли вперед.

Замощены
наши пути
раздавленными
тронами.

Но той щепы
никто из нас
на память
не берет.

**МУЗШКОЛА ИМЕНИ БЕТХОВЕНА
В ХАРЬКОВЕ**

**Меня оттуда выгнали за проф
Так называемую непригодность.
И все-таки не пожалею строф
И личную не пощажу я**

гордость,

**Чтоб этот домик маленький воспеть,
Где мне пришлось терпеть и претерпеть.
Я был бездарен, весел и умен,
И потому я знал, что я — бездарен.
О, сколько бранных прозвищ и имен
Я выслушал: ты глуп, неблагодарен,
Тебе на ухо наступил медведь.
Поешь! Тебе в чащобе бы реветы!
Ты никогда не будешь понимать
Не то что чижик-пыжик — даже**

гаммы!

**Я отчислялся — до прихода мамы,
Но приходила и вмешивалась мать.**

Она меня за шиворот хватала
И в школу шла, размахивая мной.
И объясняла нашему кварталу:
— Да, он ленивый, да, он озорной,
Но он способный: поглядите
руки,
Какие пальцы: дециму берет.
Ты будешь пианистом.
Марш вперед! —
И я маршировал вперед.
На муки.

Я не давался музыке. Я знал,
Что музыка моя — совсем другая.
А рядом, мне совсем не помогая,
Скрипели скрипки и хирел хорал.
Так я мужал в музшколе
той вечерней,
Одолевал упорства рубежи,
Спротивляясь музыке учебной
И повинуюсь музыке души.

ПОЛЬЗА СПОРТА

**Когда я взрослым и умным стал,
Из школы ушел, на войну пошел,
Тогда я понял, уразумел,
Почему любят футбол.**

**Детство журчало, как ручей,
Меж невысоких холмиков книг,
А я, начетчик и книгочей,
По-своему разбирался в них.**

**Мне нравился этот мир — второй,
Где было больше томов, чем домов.
И, уходя в читальню,**

порой

Я чувствовал,

что иду домой.

**А весь наш дом любил футбол
Пылко, страстно, давно.
И выставлял после смены стол
И забивал домино.**

**Движенье, бег — увлекали всех,
Всех, кроме меня.**

А я,

чтоб согреться,

ожидал

Совсем другого огня.

Потом пришла большая война.

И польза спорта стала видна,

Стала видна даже мне

На этой большой войне.

Я, задыхаясь, бежал назад,

Потом, задыхаясь,— вперед.

И пропадал от грудных надсад

И от спинных ломот.

Советую меру во всем соблюдать —

Книги читать, козла забивать,

Но пользу, которую может дать

Футбол,— не забывать.

*** * ***

**Не тот читает, кто покупает,
А тот читает, кто продает.
Всю ночь листает и копает,
Себе покоя не дает.**

**Ах, книги, вы всегда молчали
И вдруг сквозь кожу или ткань
Заговорили, закричали,
Да так, хоть уши затыкай.
Затосковали, зашептались,
Подобно волнам и садам,
Да так, что полки зашатались —
Я завтра тоже их продам.**

**Ах, книги, вас не много нужно,
Вас мало нужно — пять иль шесть:
Вы шепчете согласно, дружно,
Договоренность в книгах есть.**

**А я не знал, а я не думал,
Количеством я дорожил,
Но вот я пыль с обложек сдунул,
По чемоданам разложил.**

**И все: хорошие и лишние,
Однообразные, различные,
Я, с чемоданом на весу,
По букинистам разнесу.**

ГОРОД МОЕГО ДЕТСТВА

**Я нынче глубоко пашу,
Я нынче вижу далеко.
Я этот город опишу,
Хоть это трудно, нелегко.**

**Он, как растратчик на суде,
Рукою заслонил лицо,
Чтоб фотоаппарат нигде
Не разглядел в лице гнильцо.**

**Он, как невеста средних лет,
Не хочет сняться просто так
И требует вечерний свет
И просит ретушерский лак.**

**Я пальцы отвожу с лица,
Румян стираю толстый слой —
И осыпается пыльца
И старость сыплется долой.
И бесконечно молодой
Блестит вечный город мой.**

ЧРЕЗВЫЧАЙНОСТЬ ПОЭЗИИ

**Обдумыванье и расчет
Поэзию, конечно, губят.
Она не пилит, а сечет
И не сверлит, а с маху рубит.**

**Я трогаю босой ногой
Прибой поэзии холодный.
А может, кто-нибудь другой —
Худой, замызганный, голодный —
С разбегу прыгнет в пенный вал,
Достигнет сразу же предела,
Где я и в мыслях не бывал.**

Вот в этом, видимо, все дело.

* * *

**В звуковое кино не верящие
Много лет. Давным-давно
Не немое любим — немеющее,
Вдруг смолкающее
кино.**

**Обрывается что-то, портится,
Иссякает какой-то запас,
И лицо на экране корчится
И не может крикнуть на вас.**

**Речи темные, речи ничтожные
Высыхают, словно слеза.
Остаются одни непреложные
Лица, лики, очи, глаза.**

**Остается одно — выражение
Уст разъятых и глаз в огне,
Впечатляющее, как поражение
В мировой, многолетней войне.**

РЕСТОРАН

**Высокие потолки ресторана.
Низкие потолки столовой.
Столовая закрывается рано.
В столовой ни шашлыка, ни плова.
В столовой запах старого сала,
Столовская лампочка светит тускло.
А в ресторане с неба свисало
Обыкновенное солнце люстры.**

**Я столько читал об этом солнце,
Что мне захотелось его увидеть.
Трамвай быстрее лани несется.
Стипендию вовремя успели выдать.
Что это значит! Это значит:
В десять вечера мною начат
Новый образ жизни — светский.
Вхожу: напряженный, резкий, веский,
Умный, вежливый и смущенный —
Не тем, что увижу, а тем, как выгляжу.
Сейчас я на них на всех погляжу.**

Сейчас я кровные выну, выложу,
Но — закажу и — посижу.

Шел декабрь тридцать восьмого.
Русской истории любой знаток
Знает, как это было толково —
Сидеть за столом, глядеть в потолок,
Видеть люстру большую, как солнце,
Чувствовать молодость, ум, талант
И наблюдать, как к тебе несется
Не знавший истории официант.

Подумав, рассудив, осторожно я
Заказываю одно пирожное.
Потом — второе. Нарзан и чай.
И поглядываю невзначай,
Презирает или не презирает
Мое небогатство
официант.

А вдруг — сквозь даль годов прозирает
Ум, успех, известность, талант!

Столик был у окна большого.
Но что мне было видеть в него?
Небо! Небо — тридцать восьмого.
Ангелов! Ангелов — ни одного.
Не луну я видел, а луны.
Плыли рядом четыре луны.
Были руки худые — юны.
Шеи слабые — обнажены.
Я глядел на слабые плечи,
На поправленный краской рот.

**Ноги, доски паркета калеча,
Вырабатывали фокстрот.
Стало время. Умолкли часики.
Шел за окнами тридцать восьмой.
И забвенье, зовомое счастьем,
Не звало нас больше домой.**

**Хорошо быть юным, голодным,
Тощим, плоским, как нож, как медаль.
Парусов голубые полотна
Снова мчат в белоснежную даль.**

*** * ***

**В маленькую киношку
Да на сеанс дневной,
Чтоб людей немножко,
Чтоб механик дрянной —**

**В маленькую, вставленную,
Врезанную в домок,
Чтобы картину старенькую
Я досмотреть бы мог.**

**Только сеанс начнется —
Сразу часы заскрипят,
Сразу стрелка качнется
Наоборот, назад.**

**Что же там было вначале!
Кто играл и кого!
Мы ведь — не замечали,
Не видели ничего.**

**Смотрится любо-дорого,
Хоть и снято давно.
Все-таки было здорово
В том, довоенном, кино.
Все-таки было славно.
Я досмотрю исправно
И с облегченной душой
Тихо пойду домой.**

ОЧЕНЬ ДАВНЕЕ ВОСПОМИНАНИЕ

**Тик сотрясал старуху,
Слева направо бывший,
И довершал разруху
Всей этой дамы бывшей:
Шептала, и моргала,
И головой качала,
Как будто отвергала
Все с самого начала,
Как будто отрицала
Весь мир из двух окошек,
Как будто отрезала
Себя от нас, прохожих.
А пальцы растирали,
Перебирали четки,
А сына расстреляли
Давно у этой тетки.
Давным-давно. За дело.
За то, что белым был он.
И видимо — задело.
Наверно — не забыла.**

**Конечно — не очнулась.
И голова качнулась,
Пошла слева направо.
Потом справа налево,
Потом опять направо,
Потом опять налево.
И сын — белее снега
Старухе той казался,
А мир железной дланью
Ее почти касался.
Он за окошком — рядом —
Сурово делал дело.
Невыразимым взглядом
Она в окно глядела.**

М. В. КУЛЬЧИЦКИЙ

Одни верны России

потому-то,

Другие же верны ей

оттого-то,

А он — не думал, как и почему.

Она — его поденная работа.

Она — его хорошая минута.

Она была отечеством ему.

Его кормили.

Но кормили — плохо.

Его хвалили.

Но хвалили — тихо.

Ему давали славу.

Но едва.

Но с первого мальчишеского вздоха

До смертного

обдуманного

крика

Поэт искал

не славу,

а слова.

Слова, слова.

Он знал одну награду:

В том,

чтоб словами своего народа

Великое и новое назвать...

ПОЛИТРУК

**Словно именно я был такая-то мать,
Всех всегда посылали ко мне.
Я обязан был все до конца понимать
В этой сложной и длинной войне.
То я письма писал,
То я души спасал,
То трофеи считал,
То газеты читал.**

**И хоть шел я назад,
Но кричал я: «Вперед!»
Очень твердо я верил: победа придет.**

**Не умел воевать, но умел я вставать,
Отрывать гимнастерку от глины
И солдат за собой поднимать,
Ради родины и дисциплины.
Хоть ругали меня,
Но бросались за мной.
Это было
Моей персональной войной.**

РАНЕН

**Словно хлопнули по плечу
Стопудовой горячей лапой.
Я внезапно наземь лечу,
Неожиданно тихий, слабый.
Убегает стрелковая цепь,
Словно солнце уходит на запад.
Остается сожженная степь,
Я**

**и крови горячей запах.
Я снимаю с себя наган —
На боку носить не сумею.
И ремень, как большой гайтан,
Одеваю себе на шею!
И — от солнца ползу на восток,
Приминая степные травы.
А за мной ползет кровавый
След.**

**Дымящийся и густой.
В этот раз, в этот первый раз
Я еще уползу к востоку**

**От германцев, от высших рас.
Буду пить в лазарете настойку,
Буду сводку читать, буду есть
Суп-бульон, с петрушкой для запаха.
Буду думать про долг, про честь.
Я еще доползу до запада.**

В БАТАЛЬОНЕ ВЫЗДОРАВЛИВАЮЩИХ

**Мне было холодно. Мне было голодно.
Мне слишком тяжкими казались труды.
Мне было спать на соломе — колотно.
Мне было трудно жить — от беды.**

**Беда. И вот в голодной казарме я
Куска без мысли сжевать не мог,
Что я и вся огромная армия
Не заработали себе на паек.**

**Я был в запасной, в ту пору, части.
Мне скоро было на фронт уходить.
И я собирался погибнуть с честью,
А нужно было желать победить.**

**Люди кругом — мои товарищи —
Решили выяснить, почему
Я день-деньской по траве, скрывающей
Землю, мечусь!
И что — не пойму!**

**Самый что ни на есть перераненный
Летчик, упавший с небес живым,
Сказал, что мы победим не ранее
Того, когда победить решим.**

**Сказал — народа у нас побольше.
Сказал — идеи у нас милей.
И мы вернемся — от Волги к Польше,
Но только надо быть веселей.**

**Он говорил, а я помалкивал.
Помалкивал и смущенно помаргивал,
Но в общем этот политразговор —
Во мне.**

С тех пор и — до сих пор.

**Словно крошки с табачным сором
Вытряхнулись печаль и беда.
Я повеселел. И стал — веселым.
И не грустил с тех пор никогда.**

9-го МАЯ

**Замполит батальона энского,
Капитан Моторов Гурьян,
От бифштекса сыт деревенского,
От вина цымлянского — пьян,**

**Он сидит с расстегнутым воротом
Над огромным и добрым городом,
Над столицей своей, Москвой:
Добрый, маленький и живой.**

**Рестораны не растеряли
Довоенной своей красоты.
Все салфетки порасстлали,
Вилки, ложек понанесли.**

**Хорошо на душе Моторову,
Даже раны его не томят.
Ловко, ладно, удобно, здорово:
Ест салат, заказал томат.**

**Сколько лет не пробовал сока,
Только с водки бывал он пьян.
Хорошо он сидит, высоко.
Высоко забрался Гурьян.**

КАК УБИВАЛИ МОЮ БАБКУ!

Как убивали мою бабу!
Мою бабу убивали так:
Утром к зданию горбанка
Подошел танк.
Сто пятьдесят евреев города,
Легкие
от годовалого голода,
Бледные
от предсмертной тоски,
Пришли туда, неся узелки.
Юные немцы и полицаи
Бодро теснили старух, стариков
И повели, котелками бряцая,
За город повели,
далеко.

А бабу, маленькая, словно атом,
Семидесятилетняя бабу моя
Крыла немцев,
Ругала матом,

Кричала немцам о том, где я.
Она кричала: — Мой внук на фронте,
Вы только посмейте,
Только троньте!
Слышите,
наша пальба слышна!

Бабка плакала и кричала
И шла.
Опять начинала сначала

Кричать.
Из каждого окна
Шумели Ивановны и Андреевны,
Плакали Сидоровны и Петровны:
— Держись, Полина Матвеевна!
Кричи на них. Иди ровно! —
Они шумели:
— Ой, що робить,
З отым нимцем, нашим ворогом! —
Поэтому бабку решили убить,
Пока еще проходили городом.

Пуля взметнула волоса.
Выпала седенькая коса,
И бабка наземь упала.
Так она и пропала.

*** * ***

**Отягощенный родственными чувствами,
Я к тете шел,
 чтоб дядю повидать,
Двоюродных сестер к груди прижать,
Что музыкой и прочими искусствами,
Случалось,
 были так увлечены!**

**Я не нашел ни тети и ни дяди,
Не повидал двоюродных сестер,
Но помню,
 твердо помню
 до сих пор,
Как их соседи,
 в землю глядя,
Мне тихо говорили: сожжены.**

* * *

О. Ф. Бергольдц

**Все слабели, бабы — слабели,—
В глад и мор, войну и суховея
Молча колыхали колыбели,
Сберегая наших сыновей.**

**Бабы были лучше, были чище
И не предали девичьих снов
Ради хлеба, ради этой пищи,
Ради орденов или обнов,—**

**С женотделов и до ранней старости
Через все страдания земли
На плечах, согбенных от усталости,
Красные косынки пронесли.**

В ДЕРЕВНЕ

**Очередь стоит у сельской почты —
Длинная — без краю и межей.
Это — бабы получают то, что
За убитых следует мужей.**

**Вот она взяла, что ей положено.
Сунула за пазуху, пошла.
Перед нею дымными порошами
Стелется земля — белым-бела.**

**Одинокая, словно труба
На подворье, что дотла сгорело.
Руки отвердели от труда,
Голодуха изнурила тело.**

**Что же ты, солдатская вдова,
Мать солдата и сестра солдата,—**

*** * ***

**Только война закончится —
Сразу же Мострамвай
Детям и инвалидам
Множество мест подавай.**

**В эти первые годы
После большой войны
Дети очень заметны
И калеки видны.**

**Вскорости дети вырастут,
Освободят места,
А инвалидов — вылечат,
Вот и скамья пуста.**

**Только одни беременные,
Как символ мирного времени,
Будут сидеть впереди
С брошками на груди.**

* * *

Николе Вапцарову

**Полиция исходит из простого
И вечного. Пример: любовь к семье.
И только опираясь на нее,
Выходит на широкие просторы.**

**Полиция учена и мудра.
И знает: человек — комочек праха.
И невысокий бугорок добра
Полузасыпан в нем пургою страха.**

**Мне кажется, что человек разбит
В полиции на клетки и участки.
Нажмут — и человека ознобит,
Еще нажмут — и сердце бьется чаще.**

**Я думаю, задолго до врача
И до ученых, их трактатов ранних,
Нагих и теплых по полу влача,
Все органы и члены
 знал охранник.**

**Но прах не замечается пургой,
А лагерная пыль заносит плаху.
И человек,
 не этот, так другой,
Встает превыше ужаса и страха.**

* * *

**В бесплацкартном, некупированном
Беспокойно спит пассажир,
Словно в городе оккупированном —
Узелок под бок подложив.**

**Вроде кражи почти повывелись,
Все разбойнички — заключены.
Спи и только смотри не вывались,
Пересматривай лучше сны.**

**Все же собранный он
и сведенный.
Сжатый, словно пальцы в кулак,
Спит, как будто секретные сведения
Заключает его узелок.**

**Освещение, отопление:
Бесплацкартный вагон — не плох.
Но остаточные явления**

*** * ***

**Ленина звали «Ильич» и «Старик» —
Так крестьянина зовет крестьянин.
Так рабочий с рабочим привык,
Ленина не звали «Хозяин».
«Старик» называли его, пока
Он был еще молод — в знак уваженья.
А «Хозяин» — это словцо батрака,
Тихое от униженья.**

**Весь наш большой материк
И все другие страны земли
Хороших людей называют «старик»
И лучшего слова найти б не смогли.**

БОГ

**Мы все ходили под богом.
У бога под самым боком.
Он жил не в небесной дали,
Его иногда видали
Живого. На мавзолее.
Он был умнее и злее
Того — иного, другого,
По имени Иегова...
Мы все ходили под богом.
У бога под самым боком.
Однажды я шел Арбатом,
Бог ехал в пяти машинах.
От страха почти горбата
В своих пальтишках мышиных
Рядом дрожала охрана.
Было поздно и рано.
Серело. Брезжило утро.
Он глянул жестоко,
Мудро**

**Своим всевидящим
оком,
Всепроницающим взглядом.**

**Мы все ходили под богом.
С богом почти что рядом.**

ТРИДЦАТЫЕ ГОДЫ

**Двадцатые годы — не помню.
Тридцатые годы — застал.
Трамвай, пассажирами полный,
Спешит от застав до застав.
А мы, как в набитом трамвае,
Мечтаем, чтоб время прошло,
А мы, календарь обрывая,
С надеждой глядим на число.
Да что нам, в трамвае стоящим,
Хранящим локтями бока,
Зачем дорожить настоящим!
Прощай, до свиданья, пока!
Скорее, скорее, скорее
Года б сквозь себя пропускать!
Но времени тяжкое бремя
Таскать — не перетаскать.
Мы выросли. Взрослыми стали.
Мы старыми стали давно.
Таскали — не перетаскали
Все то, что таскать нам дано.**

**И все же тридцатые годы
(Не молодость — юность моя),
Какую-то важную льготу
В том времени чувствую я.
Как будто бы доброе дело
Я сделал, что в Харькове жил,
В неполную среднюю бегал,
Позднее — в вечерней служил,
Что соей холодной питался,
Процессы в газетах читал,
Во всем разобраться пытался,
Пророком себя не считал.
Был винтиком в странной, огромной
Махине, одетой в леса,
Что с площади аэродромной
Взлетела потом в небеса.**

* * *

Льну к земле. Невидимо, но плотно —
Как меридиан. Как параллель.
Как волокна вяжутся в полотна,
Так и мы — землянки от земель.
Хорошо, когда земля большая
И с высокой, чистой душой.
Хорошо, когда земля большая,—
И поэт ее тогда большой.

Льну к земле. Земля не значит почва,
Сорок сантиметров глубины.
Пусть у почвы есть свои сыны,
Я же льну к земле. Легко и прочно.

* * *

**Сколько крови в жилах,
Сбыченных как грузчик,
В жилах — старожилах,
Сорок лет живущих,
Сорок лет струящих
Кровь сорокалетнюю!
Не сыграло в ящик
Мое поколение.**

**Мы еще не так себе,
Мы еще ничего себе.
Мы еще не все судьбе —
Можем и себе.
Мы еще не все слова
Высказали до конца.
Есть у нас по одному, по два
Заветнейших словца.**

*** * ***

**Шоферша вязала в кабине
Огромного самосвала.
Зубами узлы обрывала.**

**Руками большими от техники,
Тяжелыми от мотора,
Вязала проворно и скоро.**

**Плясали толковые спицы,
Блестящие, словно бы когти,
Старинную пляску на кофте.**

**И кофта росла неустанно,
Как дом, но не блочный, столичный,
А древний, привычный, кирпичный.**

**Как символ инерции быта,
Наверно, не будут забыты,
Воспеты в этом сказанье:
Шоферша, кофтенка, вязанье.**

ЮНОСТЬ

**Я как Европа на хребте быка.
Я как Андорра на хребте Европы.
Я — сумка путника, не знающего тропы,
Бог весть куда бредущего пока.**

**Тот скромный скарб, то малое добро,
Которое насовано, набито
Для облегченья путевого быта,—
Не золото, а медь, не серебро.**

**А никелевые мелкие монеты —
Их потерять совсем не жалко мне.
А все-таки я — на хребте планеты,
В ее земле, воде или огне.**

**Пока мне мало видеть довелось:
Любовь и бой и ненависть и жалость.
Я слышал, как в земле скрипела ось.
Я видел, как земля на ней вращалась.**

**Все впереди, а позади —
Не память, а воспоминанья только,
И сердце бьется, как в силке, в груди,
Отплясывает радостную польку.**

КАК МЕНЯ НЕ ПРИНЯЛИ НА РАБОТУ

**Очень долго прения длились:
Два, а может быть, три часа.
Голоса обо мне разделились.
Не сошлись на мне голоса.**

**Седоусая секретарша,
Лет шестидесяти и старше,
Вышла, ручками развела,
Очень ясно понять дала.**

**Не понравился, не показался —
В общем, не подошел, не дорос.
Я стоял, как будто касался
Не меня
весь этот вопрос.**

**Я сказал «спасибо» и вышел.
Даже дверью хлопать не стал.
И на улицу Горького вышел.
И почувствовал, как устал.**

**Так учителем географии
(Лучше в городе, можно в район)
Я не стал. И в мою биографию
Этот год иначе внесен.**

**Так не взяли меня на работу.
И я взял ее на себя.
Всю неволю свою, всю охоту
На хореи и ямбы рубя.**

**На анапесты, амфибрахии,
На свободный и белый стих.
А в учителя географии
Набирают совсем других.**

ЕГОДНЯ

* * *

**Взносы — внес. Выплаты — выплатил.
Сдвинул воз. Болезни — вылечил.
И взмахнул крылами. И вылетел.
И легко мне теперь лететь.
И оглядываться — не хочется.
И душа начинает петь,
Как молоденькая летчица.**

**Ей, душе, не важны слова,
Лишь бы нитку мелодии выпрясть,
Лишь бы свежая голова
Над спецовкой, сшитой на вырост.**

**Чувство счастья в двадцатом веке —
Вот оно: свободный полет.
Это то, что в любом человеке,
Как пилот в кабине — поет.**

ДОБРО

**Зло можно простить,
забыть — наплевать.
Добро — нельзя забывать.**

**Оно — рана. Снова откроется.
Оно — пламя. Пробьет золу.
Оно — мышь. Все время роется
В каждом твоём углу.
Ты ли,
Тебе ли
добыли счастье:
Потом не прогонишь добро со двора.**

**Оно все тащит, тащит в чашу.
В дебри
добра.**

БОЛЬШОЙ ПОРЯДОК

**Двадцать лет я жил всухомятку —
В общежитиях и на войне —
И привык к большому порядку.
Он понравился даже
мне.**

**Я привык, что храп соседа
Надо выслушать и пережить,
Что мечту о жизни оседлой
Надо на полужизнь отложить.**

**Что в бараке и что в окопе,
Несмотря на шум и на чад,
Хорошо, приятно, толково!
То, что это люди звучат.**

**То, что рядом едят и дышат,
Руки под головы кладут,
То, что слово твое услышат,
Руку помощи подадут.**

**Трудно было всем. Помогали
Все — всем. От зари до зари.
И в один котелок макали
Твердокаменные сухари.**

**Вместе, заодно, всем миром,
Скопом всем, колхозом всем.
Потому-то моральным жиром
Обрастать не могу совсем.**

* * *

Плохое настроение —

Простое наслаждение

На радости.

Гримасы

Ошибки при улыбке.

Возьму брикетик мыла,

Плесну воды —

Смотрите, сразу смыло

Следы беды.

Какая б ни нависла

Тоска, маета,

Плеснешь — добра и смысла

Видна красота.

ОЧКИ

— Подкеросинь ему пиво,
Чтоб заорал он.
(А было это далеко,
Ах, за Уралом!)

— Пиво ему подкеросинь
И дай копченок.
Я не люблю растяп, разинь,
В очках, ученых.

У Юли груди — в полведра.
У Юли — челка.
Она любезна и добра,
Но к здешним только.

И вот приезжему под нос
Суют для пира
Кругом уставленный поднос:
Копченки, пиво.

**Приезжий сорок верст прошел:
Какой там запах!
— Холодненькое, хорошо! —
И выпил залпом.**

**Он для удобства снял очки
И галстук сдвинул.
И вот уже берет бычки,
Из банки вынул.
И зал (а это был пивной
Зал, поселковый)
Следит, что делают со мной.
Большой, толковый.**

**А я краюшечку жую,
Бычки глотаю,
И несчастливой жизнь свою
Я не считаю.**

**А зал (тудяг, быть может, сто)
Кричит: — Присядьте к нам за стол!**

**И — выпей свежего пивка!
И — как дорога, далека!**

**А я очки в руках верчу
И Юле шесть рублей плачу.**

ВОЗВРАТИМ АИСТОВ!

**Аисты повывелись в России:
То ли разогнала ребятя,
То ли из двустволок покосили.
Беспокоит этот факт меня.**

**На Литве они живут! Живут.
И над Белоруссией летают.
И по Украине гнезда вьют,
Ивовым прутьем латают.**

**В летописях видно: на Руси
Аисты частенько парусили.
Почему же и с кого спроси
Аисты повывелись в России!**

**Птица и степенна и толкова.
Очень украшает дом и сад.
Не пора ли их позвать назад!
Беспокойства нету никакого.**

**И напротив: у людей покой,
Если аистам живется тихо,
Если птице медленной такой
Никоторого
не чинят лиха.**

*** * ***

**Хорошо быть молодым солдатом,
Лейтенантом или старшиной,
Добродушным и усатым,
Любящим
выпить по одной.**

**Хорошо быть юным — тощим, бедным,
Без рубля в дырявом кошельке,
Но со взглядом добрым и победным,
С каменной силою в руке.**

**Хорошо быть двадцатидвухлетним
И шагать по бедам и по сплетням,
Не оглядываясь на врагов,
И — не думать ни про что другое.**

**Хорошо быть мартовской рекою,
Выступающей из берегов.**

*** * ***

**Отдыхаем. Выдыхаем.
Отработанный. Городской.
Полной грудью зато вдыхаем
Самый свежий. Самый морской.**

**Отдыхаем от дыха города.
От бензинной белиберды.
Море утренне. Море молодо.
Выручает нас из беды.**

**Дно морское не глиной покрыто,
И не галькой, и не песком:
Скользкой, липкой, словно рыба,
Усталостью городской.
Зелени нас, трава зеленая.
Ветер! На гору подымай.
Отдохнувшие и соленые
Возвращаемся по домам.**

*** * ***

**Где-то струсил. И этот случай,
Как его там ни назови,
Солью самую злой, колючей
Оседает в твоей крови.**

**Солит мысли твои, поступки,
Вместе, рядом ест и пьет,
И подрагивает, и постукивает,
И покою тебе не дает.**

*** * ***

**Зубов своих скрипенье
Утихомирь.
История — терпенье
Большое, как Сибирь.
Не демонстрируй страсти
И паники не сей.
Дорога к счастью
Длинней, чем Енисей.
А все же, человеки,
Дойдем,
Доплывем:
Еще в двадцатом веке
Как следует заживем.**

БЕРЕЗКИ В СЕВЕРОУРАЛЬСКЕ

**Березы — вырубили, рощу — всю свели,
А после высадили тонкие березки,
Как будто взрослые все на войну ушли
И у станков стоят одни подростки.**

**Ревет, как зверь, на горизонте лес,
А в городе на дудочке играет,
И, словно пионеротряд древес,
Посадка
 формы леса
 повторяет.**

БЕРЕЗКА В ОСВЕНЦИМЕ

**Березка над кирпичною стеной,
Случись,**

когда придется,

надо мной!

Случись на том последнем перекрестке!

Свидетелями смерти не возьму

Платан и дуб.

И лавр мне — ни к чему.

С меня достаточно березки.

И если будет осень,

пусть листок

Спланирует на лоб горячий.

А если будет солнце,

пусть восток

Блеснет моей последнею удачей.

Все нации, которые — сюда,

Все русские, поляки и евреи,

**Березкой восхищаются скорее,
Чем символами быта и труда.**

**За высоту,
За белую кору
Тебя**

последней спутницей беру.

**Не примирюсь со спутницей
иною!**

Березка у освенцимской стены!

Ты столько раз

в мои

вращала сны.

Случись,

когда придется,

надо мною.

С ПЕРЕПИСИ

**В городке, где нету стариков—
Все они погибли молодыми,—
С пачкою переписных листков,
В городке, где все как на ладони,
Я ходил, в квартиры заходил,
В окна, в двери вежливо стучался.
Молодостью юных восхищался,
Стариков нигде не находил.
Шуровцы не стали уклоняться
От величий ратного труда.
Всех —**

**с пятидесяти до восемнадцати
Увезли большие поезда.
Возраст юности и возраст зрелости.
А порою — просто старики
Шилом брились, дымом грелись.
Наши люди — на подъем легки.
Трое раненых, но при одном убитом,
Странные пропорции войны
На четыре года стали бытом,
Были в судьбы им определены.**

ВЛИВАНИЕ

**В сановитую, словно готика Вены,
В синеватую реку вены
Втек приток иглы,
Заполняя,
Переполняя
Все ее углы.
Толпы крови моей растолкала
Лава маленького вулкана —
Стимулируя, беспокоя,
Прибавляя ко всем усилиям,
Что идут с моей стороны,
Что-то новое, со стороны —
Вздулась, вспучилась вена синяя.
И указанное вливание
Оказало свое влияние
На меня, на нервы, на кровь,
На походку мою, на погудку,
На осанку. Под эту дудку
Заплясать собираюсь вновь.**

**Я раскланиваюсь с медсестрою
И рукою врачу машу,
И живу, сочиняю, строю,
И вот эти стихи пишу.**

БОЛЕЗНЬ

**Шепчу врачу: лечи,
Мечи в меня лекарства.
Вы — пастыри, врачи.
Мы — ваша паства.
Руководи, паси,
Спаси меня, врач,
Таблетки принеси,
Пилюли назначь.
Еще дела у меня.
Еще у меня долги.
Слышишь, врач, меня:
Пожалуйста, помоги.
Пульс несется вскачь,
Больно — хоть плачь.
Руку берет врач.
Брови хмурит врач.**

*** * ***

**Что я сказала ему! Алло!
Просто «Алло».
И вот поехало, повело.**

**Что он ответил! Как дела!
Просто: «Как дела».
И сразу все: до конца, дотла.**

**Как много дел — задач, удач,
А слов не найти, хоть плачь.
А слов не найти, хоть весь мир пройти.
Не подберешь на пути.**

**И вот для разлуки нет слов пока,
Мы говорим «Пока».
Пока для дружбы слова нет,
Мы говорим: «Привет».**

**Но в общем ясно, понятно всем,
На что намекаем мы.
4, 5, а может быть, 6 или 7
Слов
выражают мир.**

ЭТО — АРМЕНИЯ

**Словно волна окатывает —
Так и меня окидывает
От пят и до темени
Горящим пламенем
Взгляда.
Это — Армения.**

**Высшая мера людских дел
С добром и злом рядом
Видимый невооруженным взглядом
Арарат. Он небо задел
Своими снегам.
Это — Армения.**

**Скала. Она совсем гола.
Ни землинки на розовом камне.
Но мужик, погорбоносей орла,
Тянет собственными руками
Лозу из скалы.
Это — Армения.**

**Я был. Я видел. Я слышал речь.
Ни с чем не схожий клетот, рокот.
Я слышал горных обвалов топот.
И я всегда буду беречь
На дне души
Эту Армению.**

*** * ***

**Умирают отцы и матери,
Остаются девочки и мальчики.
Их сначала гладят по головкам,
Говорят: «Теперь держись!»,
А потом пускают галопом
Через жизнь.**

**Умирают девочки и мальчики.
Остаются отцы и матери.
Эти живут — медленно.
Им спешить — некуда.
Все давно — сделано.
Больше делать — нечего.**

МАЙОР ЗАПАСА

**Солдаты — стриженные, бритые.
Солдаты, ладные и крепкие.
Их торсы, в гимнастерки влятые.
Их руки, твердые и цепкие.
О, ритм! О, единообразие!
Дающей шаг стрелковой роты!
О, лица, с темным блеском Азии!
О, яростные повороты!
Кто яростно поворачивался,
Кто запевал хоть раз «Катюшу»,
В шинелку зябко заворачивался,
Трофейным спиртом тешил душу,
Тот — помнит. Не умом, так телом.
Тот знает. Не душой, так сердцем.
Тот в этой вере, в деле смелом,
Останется единоверцем.
Звучи же, резкий звук приказа,
Взметайтесь, красных флагов очерки.
Я гвардии майор запаса —
Запаса самой первой очереди.**

*** * ***

Ночью с неба

земля похожа

на небо ночью:

Города как скопления звезд.

Леса как туманности.

И только у земных рек

Нет двойников на небе,

И авиаштурманы находят дорогу

По Волге, Каме и Енисею.

Как огонь и вода,
На глазах,
Наглядно,
В боевом порядке
Сходятся в смертельной схватке,
и время — движется.

Как будто кто-то полный ход
Часам посоветовал, рекомендовал
И запретил «назад».
И все часы рванулись вперед,
Да так, что сплющивается в овал
Круглый циферблат.
А время — движется.

А страницы истории — не пусты:
В месяцы спрессовались века.
И страницы истории — как листы
Пушкинского черновика.
Работа — воловья. Работа — слоновья.
Вымарки, перечерки, помарки.
И вдруг
запеваает что-то новое
Понемногу.
Мало-помалу.
И время — движется, движется, движется...

СОДЕРЖАНИЕ

ВИДЫ МОСКВЫ

21 июня	5
Новая квартира	7
«Предсолнечный трепет...»	9
Хорошее настроение	10
Герман Титов в клубе писателей	12
Начало московской зимы	14
«Конверт приходит с тихим шорохом...»	16
«В обязанности эти и права...»	17
Последний трамвай	18
«Человек очки снимает на ночь...»	20
«Постовой стыдит нарушителя...»	22
Холодильник	23
«Калеки, случается, плохо одеты...»	25
С. П. Седов	27

СОЛНЕЧНЫЕ БАТАРЕИ

«Поэты! Ваше дело — слово...»	31
Молодость	32
Солнечные батареи	34
«Пишите как следует...»	36
Музычка	38
«Ни для Партии, ни для Отечества...»	39
«Гробница Данте...»	40
«Изобретаю стихотворение...»	42
Чужая строка	43
Сэм Симкин	44
Новые слова	46
Дома	48
О книге «Память»	50
«Стихотворенье как столпотворенье...»	52
К дискуссии об Андрее Рублеве	53
«Председатель земного шара...»	55
«Скульптор бил молотком, отделяя...»	57
«Покуда глотка здорова...»	58
«Был обыкновенный день поэзии...»	59
«Год не писал...»	60
На смерть товарища	61
«Пора заканчивать стихи...»	62
«От неверной формулы...»	63
После баллады	64

ДАВНЫМ-ДАВНО

Не винтиками были мы	67
Музшкала имени Бетховена в Харькове	68
Польза спорта	70
«Не тот читает, кто покупает...»	72
Город моего детства	74
Чрезвычайность поэзии	75
«В звуковое кино не верящие...»	76
Ресторан	77
«В маленькую киношку...»	80
Очень давнее воспоминание	82

М. В. Кульчицкий	84
Политрук	86
Ранен	87
В батальоне выздоравливающих	89
9-го мая	91
Как убивали мою бабу!	93
«Отягощенный родственными чувствами...»	95
«Все слабели...»	97
В деревне	98
«Только война закончится...»	100
«Полиция исходит из простого...»	101
«В бесплацкартном, некупированном...»	103
«Ленина звали «Ильич» и «Старик»...»	105
Бог	106
Тридцатые годы	108
«Льну к земле...»	110
«Сколько крови в жилах...»	111
«Шоферша вязала в кабине...»	112
Юность	113
Как меня не приняли на работу	115

СЕГОДНЯ

«Взносы — внес...»	119
Добро	120
Большой порядок	121
«Плохое настроение...»	123
Очки	124
Возвратим аистов!	126
«Хорошо быть молодым солдатом...»	128
«Отдыхаем. Выдыхаем...»	129
«Где-то струсил...»	130
«Зубов своих скрипенье...»	131
Березки в Североуральске	132
Березка в Освэнциме	133
С переписи	135
Вливание	137
Болезнь	139
«Что я сказала ему!...»	140

СЛУЦКИЙ
Борис Абрамович

РАБОТА

М., «Советский писатель», 1964, 152 стр.

Редактор **В. С. Фогельсон**
Художник **Я. Н. Манухин**
Худож. редактор **Д. С. Мухин**
Техн. редактор **Р. Я. Соколова**
Корректор **Л. Г. Соловьева**

Сдано в набор 3/III 1964 г. Подписано
к печати 10/VII 1964 г. А 05358
Бумага 70×108¹/₃₂. Печ. л. 4³/₄ (6,50)
Уч.-изд. л. 3,00 Тираж 20 000 экз.
Заказ № 50 Цена 15 коп.

Издательство «Советский писатель»
Москва К-9, Б. Гнезниковский пер., 10
Тульская типография Главполиграфпрома
Государственного комитета Совета
Министров СССР по печати
г. Тула, проспект им. В. И. Ленина, д. 109

Gi